

МАРГИНАЛЬНОСТЬ КАК МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Волгоградский государственный технический университет, e-mail: leist@list.ru

В статье проблема маргинальности рассматривается как проблема метафизическая.

Вступление

Традиционно процессы маргинализации являются объектом изучения социологии, социальной философии, культурологии, психологии. Гораздо меньшее внимание уделяется онтологии маргинальности. Ситуация эта порождена, на наш взгляд, тем обстоятельством, что в классической философии (философии сущности), апология маргинальности была немыслима. И лишь в текстах неклассической философии (экзистенциализм, структурализм, постмодернизм) проблема маргинальности получила право на жизнь как проблема метафизическая. Правда, акцент делался на исследовании характеристик маргинального существования. Экзистенциализм совершил революцию в философии человека, рассматривая как единое целое существование человека и бытийные основания мироздания. Но, отождествляя человеческое бытие и человеческое существование, экзистенциализм устраняет и само бытие в его классической метафизической трактовке.

Анализ изученности проблемы

Научный статус проблеме маргинальности придали представители американской социологии Р.Парк, Э. Берджесс, Э. Стоунквист и другие, исследуя процессы миграции, расовые и этнические взаимоотношения. Как социологическая и социальная проблема маргинальности рассматривалась и в работах российских исследователей Е. Старикова, В. Шапинского, В. Розина и многих других. Редким исключением является монография С. П. Гурина «Маргинальная антропология» (текст которой размещен на страницах сайта www.anthropology.ru), в которой маргинальность полагается не только как социальная, но и как онтологическая проблема.

Постановка задания

Поскольку категории «бытие» и «существование» в философии все же различаются, правомерен вопрос о возможности самого употребления такого словосочетания, как «маргинальное бытие». Или приемлемы лишь негативные характеристики маргинальности как неполноты, лишенности бытия, неукорененности в абсолютном, а в утвердительном, положительном смысле рассуждать о маргинальном онтосе более чем абсурдно? И в данном случае попытка введения неклассической категории (к каковым и относится категория маргинальности) в классический метафизический контекст неуместна?

Основная часть

Категория бытия – фундаментальная и одна из наиболее разрабатываемых категорий в истории мировой философии и по сей день находится в центре внимания сотен и сотен философских работ. Разумеется, невозможно говорить сегодня о метафизике, не ссылаясь на работы одного из величайших философов XX века – Мартина Хайдеггера. Более того, после прочтения Хайдеггера невольно возникает вопрос: а имеет ли смысл говорить о метафизике (и вообще что-либо делать в философии!) после Хайдеггера?

Хайдеггер различает понятия «бытие» и «сущее» («онтологическая разница»), и основным предметом исследования всей метафизики, вплоть до завершения «европейского метафизического проекта» в философии Ф. Ницше, называет сущее, но не бытие! Никому из предшественников так и не удалось «продумать» истину бытия: «...от метафизики на протяжении ее истории от Анаксимандра до Ницше истина бытия остается скрытой» [3, с. 29]. Хайдеггер сокрушается, что Ницше (заслугу которого видит в том, что бытие «впервые осмысливается как ценность») не раскрыл «публике» самые сокровенные свои мысли: «Мысли мыслителя ранга Ницше – отголосок еще не познанной истории бытия в слове, которое исторический человек говорит на его, бытия, «языке» [3, с. 69].

Почему же многовековые усилия величайших умов человечества так и не прояснили истину бытия? Хайдеггер дает ответ: европейская метафизика как «трансцендентальная онтология» стала теорией познания! Она изучает мироздание в его «предметности» и «представленности»: «По существу дело идет о метафизике предмета, то есть сущего как предмета, объекта для некоторого субъекта» [3, с. 179]. Истина познания заменяет истину бытия. Такова, согласно Хайдеггеру, судьба европейской философии и, более того, судьба Запада.

Он подчеркивает, что в современную эпоху бытие пребывает уже не как «идея» (Платон), или «ценность» (Ницше), а как сущность техники, «по-став». «По-став» есть упорядочивание мира, делание его наличным состоянием, «поставляющее производство». «По-став» настойчив, и он закрывает собой истину бытия. Современному европейскому человеку эпохи техники, от которого скрыта истина бытия,

свойственно потому безразличие к судьбе бытия, место которого занимает сущее во всех его родах и видах. Судьбой «новоевропейского человека», «судьбой мира» является бездомность, вызванная «забвением» бытия. Хотя в сущности «по-става», в самой сущности техники Хайдеггер усматривает «молнию бытия»...

Главный труд Хайдеггера «Бытие и время» по сути своей есть поиск решения самой главной проблемы современности: что нужно делать человеку (ведь бездомность есть сущностная черта именно современного (новоевропейского) человека) для того, чтобы, постигая истину бытия, обрести «родину» в сущностном смысле?

По сути, хайдеггеровская позиция есть один из самых значительных «водоразделов мысли» в истории философии. До и после Хайдеггера. До – метафизика, но что после? Хайдеггер гениален своей интуицией истины, до него никто из западных мыслителей не говорил о том, что сущностная основа мироздания не есть сложность, а есть простота и бесконечность возможного: «Но бытие – что такое бытие? Оно есть Оно само. Испытать и высказать это должно научиться будущее мышление. «Бытие» – это не Бог и не основа мира. Бытие шире, чем все сущее, и все равно оно ближе человеку, чем любое сущее, будь то скала, зверь, художественное произведение, машина, будь то ангел или Бог. Бытие – это ближайшее. Однако ближайшее остается для человека самым далеким» [3, с. 202].

В этой связи хотелось бы задать вопросы, которые, на наш взгляд, не утратили своей актуальности и в метафизике «после Хайдеггера».

Вопрос первый: является ли метафизическая сущность человека неизменной?

Вопрос второй: абсолютна или относительна истина бытия?

Вопрос третий: чувствует ли современный человек дискомфорт от собственной «бездомности», «забвения бытия»?

Определяя метафизическую сущность человека, как его соотношенность с глубинными бытийными основаниями, мы можем утверждать постоянное присутствие именно факта соотношенности с глубинными бытийными основаниями. Даже сознательный отказ от поиска бытийных основ, нигилизм, «забвение бытия», позитивистский настрой выражается через отрицание самого факта соотношенности. Иными словами, неизменность метафизической сущности человека заключается в ее изначальной соотношенности с бытийными основаниями, вне зависимости от того, как этот факт осмысливается (или не осмысливается) самим человеком.

Но что есть истина бытия? Алетейя или соответствие наших знаний действительности? Возможна ли относительность истины бытия? Что есть «родина», где укореняется человеческое существование? Трансцендентна ли истина бытия, есть ли смысл искать трансцендентные основания нашего существования? Впрочем, Хайдеггер полагает, что определение бытия как трансценденции (основы основ сущего) не выходит за рамки осмысливания бытия в рамках сущего. Трансцендирование (в том смысле, как понимал этот процесс К. Ясперс) необходимо на первых порах поисков истины бытия, но бытие и здесь остается потаенным, нераскрывшимся.

Поиск основ человеческого существования можно назвать главным вопросом религиозных, мистических и философских учений всех времен и народов. Мистики, священнослужители и религиозные философы обозначали трансцендентные сферы в терминах «непостижимого», «абсолюта», «божественной реальности» и т.д. Рационалистическая философия закрепляет в понятиях существование глубинных культурных праформ: поиск истинного бытия как основы всего существующего и преходящего древними греками, доказательства бытия божиего в средневековой схоластике, учения о субстанции в философии Нового времени, грандиозная система разворачивания абсолютного духа в немецкой классике, прозрения русских философов-космистов.

К исследованию бытийных основ вплотную подошли представители психоанализа, трансперсональной психологии. Так, американский исследователь С. Гроф связывает «новые захватывающие возможности для изучения и понимания человеческой культуры» с анализом перинатального и трансперсонального уровней психики. Все это свидетельства первоначального всеединства и глубокой, разрушенной лишь во внешнем течении цивилизованной жизни связи каждого человека с этим всеединством. Как отмечал У. Эко: «... Ощущение сакральности, тяга к «главным вопросам» и ожидание ответа на них, чувство единения с чем-то превосходящим человека свойственны и тем, кто не верует в личное и всерасполагающее божество» [4, с. 5].

Мы должны спросить: есть ли у мира божественная сущность или ее нет? И неужели «метафизический ужас», о котором так любили рассуждать философы-экзистенциалисты, – основа основ, самый глубокий слой человеческого бытия? Святыня или тьма, Бог или ужас (или-или?) откроется нам, когда с огромным напряжением всех своих сил или внезапно и без всякой подготовки нам удастся заглянуть в «про-свет» бытия? Или нет там ничего, метафизическая пустота? Или есть всего понемногу, что обозначено столь модным сегодня восточным символом «инь-ян»?

Но разве не выражает то, что названо религиозными философами божественной сущностью мира, одухотворенность именно человеческой культуры, которая не присуща сегодня никаким другим, пусть даже

самым высшим, организациям живых существ на Земле? Ведь даже физика и космология в своем величии не смогли обойтись без «ненаучного», метафизического по сути антропного принципа. Человек должен был появиться на определенном этапе развития Вселенной (Вселенная подстраивается под человека!) как наблюдатель, придающий смысл ее развитию. Мы можем утверждать, что метафизическая сущность человека раскрывает себя в придании смысла Вселенной, придании единства мирозданию и, как ни странно это звучит, придании Вселенной самого статуса бытия, поэтому отказ от идеи бытия как ненаучной есть отказ человека от собственной сущности. Абсолютная истина бытия заключена в самом процессе смыслопорождения, относительность истины бытия – в различном содержании смыслового наполнения, или, как принято говорить в современной философии, в «конфликте интерпретаций».

Поэтому провозглашение отказа от субстанции, от поиска основ бытия в неклассической философии (ведь и Хайдеггер тоже отказался от поиска субстанции, объявив субстанцию категорией сущего, но не бытия) есть отказ от великой человеческой миссии смыслопорождения. Отказом от идеи субстанции Человек провозглашает свою миссию невыполнимой...

Можно возразить, что любая картина мира, в основе которой полагается единство, бытие, субстанция, абсолют есть иллюзия, а признание сути мироздания как взаимопревращения элементарных частиц различных степеней свободы или случайной совокупности дхарм и является горькой правдой, которую человек не должен скрывать от себя самого, самого себя рассматривая как случайную, временную, преходящую совокупность частиц или дхарм. Но ведь с такой же долей уверенности можно утверждать, что истинная сущность человека и заключается в поиске субстанции, а сама способность постановки метафизических «проклятых» вопросов и есть наиглавнейшее отличие человека от всех иных живых существ.

Мы вправе говорить об органической эволюции и развитии общества и, следовательно, об изменении человека в смысле биологическом и историческом. Философами XIX и XX веков «современный человек» определен как человек новоевропейский, возникший на рубежах европейского средневековья и Нового времени. Поэтому закономерен вопрос о том, носит ли само понятие «современный человек» некий метафизический смысл, либо это определение ограничивается социальными и культурными обстоятельствами, которые человек создает в процессе своего развития? Иными словами, присуща ли «современному человеку» иная метафизическая сущность, а, следовательно, иная истина бытия, нежели человеку прошлых эпох?

Подобный вопрос порожден ситуацией, когда главным действующим лицом в истории бытия становится *метафизический маргинал*. Человек, который непривязан, пограничен, неукоренен, и единственной своей родиной провозглашает смерть. На историческую арену маргиналы-одиночки вышли давно. В древних культурах Востока, в античности они были поставщиками новаций, творческих идей. Но лишь в последние два столетия всемирной истории маргинальность (как социальная, так и метафизическая) становится уделом (и личным достижением!) множества людей, одной из характерных черт современного человека. Рассуждая о метафизической сущности человека, мы утверждали ее неизменность в изначальной соотношенности с бытийными основаниями. Метафизический маргинал не утрачивает метафизическую сущность, то есть соотношенность с бытийными основаниями, он утрачивает возможность укоренения в бытийных основаниях. У метафизического маргинала есть своя суррогатная «родина» – моменты неабсолютного в бытии. Он соотносен с ними, хотя и не укоренен в них.

Почему же на определенном этапе развития человечества происходит массовый отказ от признания метафизической сущности человека как таковой, более того, идея несоотношенности с бытийными основаниями утверждается в качестве определяющей в человеческом бытии, которое, в силу этого, становится существованием?

Мыслители XX века главные причины того обстоятельства, что современный человек отнюдь не испытывает дискомфорт от собственной «бездомности», «забвения бытия», усматривали в наступлении эпохи техники и сопровождающем ее расцвете массовой культуры. Машинное производство порождает отчуждение от человека собственной сущности, «пластмассовый век» культуры возвращает фантом сущности в виде несметного количества товаров потребления. На смену трансцендентной сущности приходит отчужденная псевдосущность, которая становится необходимым ферментом в процессе тотального пищеварения. Современный «массовый» человек «потребляет» собственную овеществленную сущность и отнюдь не считает себя маргиналом, так как создается иллюзия гармонии и укоренения в бытийных основаниях. Но он не состоит в истинном единстве со своей сущностью. Современный «массовый» человек не «действителен», так как не соответствует своему понятию, понятию человека (по Гегелю), и он не является «действительным индивидом», так как отчужден от своей человеческой сущности (по Марксу).

Маргиналами сегодня называют себя те, кто остро чувствует «пластмассовый» характер фундамента современной массовой культуры и отнюдь не хочет строить на таком иллюзорном фундаменте свою жизнь. Надо отметить, что добровольная маргинализация в развитых странах становится одной из визитных карточек современности. Проблема в том, что «новые маргиналы», провозглашая «великий отказ» от полагаемых ими неистинными бытийных оснований, отрицают и сам фундамент как таковой, саму возможность прорыва к истинным основаниям. Истинная метафизическая сущность человека скрывается

от них, превращается в видимость и мир «симулякров», с которым они либо ведут борьбу, либо принимают как необходимую данность.

Потому современный человек насквозь маргинален: «массовый человек» не видит того, что он оторван от бытийных оснований, «немассовый» не хочет эти основания искать, у него создается иллюзия их отсутствия вообще. Но не является ли само появление метафизических маргиналов следствием того, что бытие в основе своей несет элемент (так хорошо разработанный, но как таковой не определенный, диалектикой) маргинальности, то есть неустойчивости, переходности, расщепленности? И «бремя современного человека» как раз таки в том, чтобы дать возможность бытию проявить природу собственной маргинальности, неабсолютности? Но ведь если бытие не есть самодостаточный Абсолют, то в силу этого обстоятельства возможна «судьба бытия», то есть история, развитие, будущее...

Выводы

В современных исследованиях проблема маргинальности трактуется предельно широко, иными словами, «маргинальный человек» вышел из «окопа» социологии на «минное поле» общечеловеческой культуры. Во многом такая ситуация обусловлена триумфом постмодернистского дискурса, имеющим следствием «размывание» границ понятий, бесконечность интерпретации, смысловую незавершенность и т.п. Появляется целая россыпь новых терминов: «маргинальная личность», «маргинальная культура», «маргинальная ситуация», «маргинальная территория», «маргинальный статус». Аспекты проблемы маргинальности изучаются в трудах философов, политологов, геополитиков, психологов, культурологов, искусствоведов, философов науки и философов религии.

Нельзя отрицать, что современный философский дискурс есть так или иначе выражаемое отношение к постмодернистскому мировоззрению: либо как одобрение и следование, либо как неприятие и попытки преодоления. В любом случае наиболее актуальным в философском рассмотрении является сегодня вопрос о правомерности «расширения границ» категорий вообще и, в частности, придания понятию маргинальности статуса «всеобщей характеристики общества и человека» (И. Зайцев), «универсального культурного феномена, корнящегося в групповых условиях человеческого существования» (Л. Банникова), «любого факта человеческой жизни» (О. Балла), «бытия в целом» (О. Балла). На наш взгляд, универсализация понятия «маргинальность» и предельно широкая трактовка проблемы маргинальности не только оправдана в современных условиях, но и необходима для наиболее полного понимания сущности процессов, происходящих как в социальных системах, так и в развитии культуры в целом. Но поскольку носителем и общекультурных смыслов, и социальных значений является человек, то понятие маргинальности напрямую связано и с классическими категориями «личность», «индивидуальность», и с экзистенциальными категориями, характеризующими различные проявления человеческого существования.

Более того, мы можем рассматривать маргинальность как бытийную характеристику, онтологическую категорию, отражающую всеобщие закономерности развития универсума.

Список литературы

1. *Гурин С.* Маргинальная антропология // www.anthropology.ru
2. *Гроф С.* Холотропное сознание /С. Гроф. – М.: Изд-во Трансперсонального института, 1996. – 248 с.
3. *Хайдеггер М.* Время и бытие: Статьи и выступления: Пер. с нем. /М. Хайдеггер. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
4. *Эко У.* Пять эссе на темы этики. /У.Эко. – СПб.: Симпозиум, 2002. – 92 с.
5. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории: Пер. с нем. /К. Ясперс. – М.: Политиздат, 1991. – 527 с.
6. *Балла О.* Живущие на краю // http://wsyachina.narod.ru/social_sciences/index.html
7. *Банникова Л. М.* Программа специального курса "Культурная маргинальность как социально-философская проблема (теоретико-методологический аспект)" // http://www.nsu.ru/education/virtual/bannikova_course.htm
8. *Зайцев И. В.* Маргинальность как предмет социально-философского анализа /// <http://www.sovmu.spbu.ru/main/conf/man-nat-soc/2000/151-152.pdf>.
9. *Банникова Л.М.* Программа специального курса "Культурная маргинальность как социально-философская проблема (теоретико-методологический аспект)" // www.nsu.ru/education/virtual/bannikova_course.htm
10. *Зайцев И. В.* Маргинальность как предмет социально-философского анализа // <http://www.sovmu.spbu.ru/main/conf/man-nat-soc/2000/151-152.pdf>.
11. *Розин В. М.* Российский маргинал как точка бифуркации //Философские науки. – 2003. – № 8. – С. 71-86.
12. *Стариков Е.* Социальная структура переходного общества (опыт инвентаризации) //Полис. – 1994. – № 4. – С. 88.